

Тарногские говоры: XXI век

Статья написана с целью подведения итогов научной диалектологической экспедиции 2012 года, проведенной московскими и вологодскими диалектологами. Автор пытается охарактеризовать степень изученности тарногских говоров и показать современные возможности их описания. Значительную часть статьи составляют записи образцов народной диалектной речи, анализ особенностей тарногских говоров и словарные материалы.

Говоры Тарногского района Вологодской области с давних пор привлекали к себе внимание исследователей. Широко известны работы М.Б. Едемского (Едемский 1906; 1907; 1912; 1915 и др.). В них исследователь освещал разные стороны жизни жителей Тарногского района: хозяйственный быт, типы построек, ремёсла, историю, обряды, обычаи, нравы, фольклор, однако серьёзное внимание им уделялось и народному языку (Едемский 1903). В середине XX века стали заметными работы А.А. Угрюмова (Угрюмов 1992). Живой интерес до последних дней своей работы в ВГПУ проявляла к тарногским материалам известный фольклорист М.А. Вавилова (Вавилова 2000). В последние годы над вопросами диалектной лексики продуктивно работает тарногский краевед В.Ю. Ламов (Ламов 2008) и т.д.

В середине XX века тарногские говоры интенсивно обследовались лингвистами по программе составления Диалектологического атласа русского языка (Программа 1947). Сетка обследования составляла 15 километров, что обеспечивало достаточно подробное изучение говоров. Основная часть вопросов для наблюдений касалась фонетики и морфологии говоров, меньшая часть вопросов была посвящена лексике и синтаксису. Диалектологический атлас русского языка издан, его карты доступны для наблюдения и изучения. Ближайший центр, где с ними можно познакомиться, – это кабинет русского языка ВГПУ (здание № 3, каб. 67).

С 60-х годов XX века многочисленные экспедиции Вологодского государственного педагогического института были нацелены на сбор диалектного лексического материала для составляемого на кафедре русского языка Словаря вологодских говоров (СВГ). В разные годы экспедиции по программе сбора материала для него работали в сёлах Илезский Погост, Красное, в деревнях Власьевская, Погоняевская, Раменье, Слуда, Тюприха, Шалимовская и др. (СВГ 1: 14). В настоящее время словарь существует в виде двенадцати выпусков, изданных с 1983 по 2007 год. В этом словаре цитируются многочисленные фразы, произнесенные нашими собеседниками-тарножанами. На основе материалов таких экспедиций создавались многочисленные студенческие квалификационные работы (Никулина и др.).

В конце XX века говоры Тарногского района стали изучаться по Программе сбора материала для Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Составление его в настоящее время относится к числу важнейших научно-исследовательских проектов в России. На картах атласа Тарногский район будет представлен под номером 46, при котором специальными знаками показаны все наименования, зафиксированные в разных населенных пунктах района. Например, для наименований крапивы зафиксированы слова *крапѣва* и *жгучка*. Все материалы проводимого обследования передаются в Институт лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) и будут впоследствии представлены на сводных картах названного атласа.

Народные говоры Тарногского района продуктивно изучаются и в настоящее время. Так, в течение десяти дней августа 2012 года в районе работала научная диалектологическая экспедиция. В состав экспедиционной группы входили научный сотрудник отдела диалектологии Института русского языка Российской Академии наук И.И. Исаев, профессор Московского государственного областного университета О.В. Никитин, студентка Вологодского государственного педагогического университета С.В. Шильниковская и автор данного материала, профессор кафедры русского языка ВГПУ Л.Ю. Зорина.

Экспедиция ставила своей главной целью запись образцов живой народной речи начала XXI века. Очевидно, что говоры, диалекты – это уже «уходящая натура». С фиксацией ещё реально звучащих говоров необходимо торопиться. Записывать речь жителей необходимо с помощью современной цифровой техники, записывать безотлагательно, много, в разных местах района.

Включаясь в работу, каждый участник экспедиции преследовал и некоторые свои, более конкретные цели. Так, например, фонетист И.И. Исаев сосредоточил свои наблюдения над фонетическими особенностями говоров. Л.Ю. Зорина обеспечивала пополнение материала для Словаря вологодских говоров, а также пыталась проследить, как функционирует в говорах Тарногского района весьма детализированная в других диалектах (например, в великоустюгских, сямженских, кирилловских говорах) коммуникативная категория вежливости.

Общие итоги проведенного экспедиционной группой исследования весьма значительны. Работа велась в двух удаленных друг от друга сельских поселениях – в бывшем Озерецком (теперь Тарногском) и Верховском поселениях. Внутри каждого из них для наблюдений выбирались близко расположенные друг к другу (на расстоянии от 1 до 6 километров) деревни. Было опрошено 17 информантов из 13 таких деревень. Большая часть опрошенных собеседников – это старшие носители говоров, люди, родившиеся в 1919 и последующих годах. Видеозапись проведенных с информантами бесед составила 13,5 часа, аудиозапись звучащей речи – 36 часов. Такой объем произведенных в цифровом варианте записей уже сам по себе может быть признан достаточным для характеристики диалекта материалом.

Участники экспедиции выражают глубокую благодарность своим тер-

пеливым информантам: Курбатовой Зинаиде Яковлевне, Погожевой Валентине Егоровне, Поповой Александре Федосеевне, Поповой Калисте Савватеевне, Чичерину Анатолию Васильевичу, а также и другим, здесь не названным, но очень полюбившимся нам собеседникам. Благодарим за то, что они *полюбились* с нами, поделились знаниями, опытом, мыслями относительно *прежней* и новой жизни.

Участниками экспедиции констатируется высокая степень сохранности диалекта в речи информантов старшего возраста. Об этом свидетельствуют, в частности, следующие фрагменты записи:

В колодцях воды не было. Копали, ско́лько пытались да... У мяя отець-от копал там, под угором, колодец, дак и то воды не было. Всё вот тут с рицьки – называли, што с рицьки – носили воду-ту; А ведь масло сбивали – кринка глинянна, как сейчас горшочек, ино сказать – раньше-то кринками звали. Раньше и молоко-то не в стеклянки, а всё в кринки и делали. Да вон в Наумоськёй старики, кринки-те да всё покупали (К.И. Шамонова, д. Великая).

Определенным результатом экспедиции стало общение с людьми, считающими себя староверами. В последнее десятилетие изучение особенностей речи староверов заметно активизировалось (Актуальные проблемы 2009; Русское старообрядчество 2008), однако информация о староверах на вологодской территории лингвистами пока еще не рассматривалась (ср.: Паликова 2010).

Судя по нашим весьма поверхностным наблюдениям, старообрядчество в этой местности никак не связано со старым расколом времен патриарха Никона. Людей, считающих здесь себя староверами, лучше квалифицировать как беспоповцев. А уж насколько они ушли от той «старой» веры или насколько пришли в новейшее время к возрождающемуся в стране христианству, судить пока сложно.

Староверкой себя считает жительница деревни Великая Верховского поселения Александра Федосеевна Попова, 1924 года рождения, коренная жительница изучаемой диалектологами местности, малограмотная, в школе училась только в течение двух лет. Всю свою жизнь А.Ф. Попова проработала в сельском хозяйстве: 27 лет была трактористом, комбайнером. Обслуживаемый ею в прошлом трактор-колесник установлен как символ уже ушедшей эпохи в качестве экспоната местного краеведческого музея в районном центре, в селе Тарнога.

В общении с приезжими людьми А.Ф. Попова проявила себя как любезный, тактичный, гостеприимный, отнюдь не настороженный, как можно было бы ожидать, человек. Она хранит в своем доме и постоянно читает старинные печатные книги, участвует в организации отправления культа местными жителями старшего возраста (организует молебны в религиозные праздники, проводит отпевание и поминовение умерших, до недавнего времени проводила и крещение новорожденных). Говоря о том, что она приверженец старой веры, А.Ф. Попова не предъявила своим собеседникам никаких ограничений, лишь просила, чтобы ее не фотографировали. Диалектологи,

работавшие с А.Ф. Поповой, глубоко благодарят свою собеседницу за потраченное на них время, за содержательный рассказ о жизни и за радужное, доброе, несмотря на все тяготы жизни, отношение к людям.

В беседах с А.Ф. Поповой был записан целый ряд звуковых и видеофайлов. Это уникальные записи. Они содержат информацию о местных предметах, явлениях, отношениях. Содержание записей позволяет проводить наблюдения над особенностями тарногского верховского диалекта, представляющего, даже по заключению тарножан, совершенно отличный от других говоров феномен, а также над особенностями индивидуальной манеры диалектоносителя, над реализацией в порожденных им текстах коммуникативной категории вежливости (ср.: Ларина 2009, Прохоров 2006, Стернин 2003 и др.).

Общая продолжительность звучания первой записи беседы с А.Ф. Поповой – 1 час 7 минут 36 секунд, второй – 40 минут 13 секунд, третьей – 18 минут 13 секунд. Ниже ввиду ограниченного объема статьи приводятся лишь фрагменты выполненной нами расшифровки текстов. Запись приближена к орфографической, однако местные особенности речи последовательно передаются. Буквой *l* передаётся средний, полумягкий звук [л]; буквой *ŷ* – неслоговой звук [ŷ]; буквой *γ* – фрикативный звонкий звук [γ]. Ударение обозначается с учётом границ фонетического слова: *грѣх вѣдь, у мня, завтра*; в односложных словах ударение ставится в случаях, если на слово падает логическое ударение. В ломаных скобках приводится недостающая для понимания смысла информация.

Про родителей

Про родителей? А цѣво про них сказать? Ну дак цѣ про их помнить? Цѣ про их помнить? Уж у меня... Не знаю, цѣ и сказать. Цѣво родители <в>идь? Федосій да Анфія были у меня родители, мама да папа. Всѣ. Какие они? Мама старовѣрка была двадцеть годоў. Тятя быў всѣ председателем. Нацялись колхозы-ти. Да тятя всѣ председателем быў, партѣйный, Богу не молиўсе. Здѣшной, здѣшной, в этом доме был, евоной и дом. Оне тут и строили с дѣдушком Хлеоном. Евоной дом. Он Богу не молиўсе, мама молиласе. Не молиўсе с дѣтства. А цѣ? Маленькой быў, молодой жѣниўсѣ. А тут и колхозы нацялись, дак всѣ руководиў, председателем быў да животноводом.

Потом от нас уѣхаў. Девятерых... Девятый в брюхе у мамы был – с другой загуляў да уѣхаў от нас в Вельско да там и умер. Мы одне и жили. Со снохой загуляў, от маминово брата отбиў – Клавдию-то вѣдь. Отбиў да, загуляў да, уѣхали в Вельск, а нас оставили так. Вот брат был ешто один, а пѣть дѣвок было нас. Один и брат быў. Ево в армию взяли второво мая, в июне война нацялась – ево убили. Осталась самая страшная я. Вот, все малыши. А у мамы ешто осталась – тятя-то уѣхаў – Лидька-то в брюхе осталась.

Он потом-то приезжаў в гости. Да как бы приѣхал, а я уж всю роботала.

Александра Федосеевна
Попова

Я всё видела, как он жил, издеваюсь, маму биў, всё это. Худо жили. Недоброй был до нас до всех. Так...

Ну, да с другой загуляў, да там, видно, поколдовала или што. От нас как отворотила всех. До нас недоброй быў дак. Приезжаў в гости в Троицу. Вот. Маме-то ведь и жаўко: доўго, много годоў жили-то. А я гу: «Поезжай, поезжай! Не надо больше тебя – нас оставил дак, уехаў». А уж Лидька в зыбке кацялась, родилась без ево дак. Так и прожили худо без ёво. Там и умёр в Вельске. Не йиздили... Ну, да Ваня-то йиздиў – ешио не взяли в армию, в больнице-то был. А хоронить не хоронили. Там и сдох. Бог с ним! Худо уж я ёво и поминаю больно. Нехороший быў, гуляў да.

Про строительство дома

Дому-то? Ай, да я весь переделала! Дом-от долгой <был>, как вот у Калисты. Серёдки были, всё. А едь война-то была, всё худо, негде тёсу-то не взётъ, всё съехало, всё обрушилось. Ваню взяли в армию. Ак я стала робить-то на тракторе, двадцать сем годов робила на тракторе. Зарабатывала-то много – и стала дом строить. Снацяла перёд, весь. До лавок сыпали зёрно-то, ак огнило сүтний угол дак. На пилораме-то робила, зарабатывала деньги. Всё мужики приходили робить, всё мне лесу привезут. Ак розвалила этот перёд, весь переставили, подрубили в этом-то. Зимовка опеть – хуже и тово! Опеть давай зимовку строить. Всё я строила.

Про староверов

Ведь это уж кончилась война-то, дак было нестрого, нестрого. Тогда-то ведь мало – ой было, там ведь приисняли, дак окна завешивали старухи-те. Молище надо дак – оборони Бог! – заберут тут. Ведь много староверов забрали и убили тамока. А это было в войну больно строго-то. Староверов-то не дали молище-то да. Ходили всё по деревням дак. Ну вот...

Да с цево свой? Цюжи-иё. Свой доказвали. Сообщат в район, там приедут и заберут. В Сивкове-то, у Га... у Миколы-то, парнёк-от заболел, даже умёр, – в школу ходиў. Ак отпевали на Першине-то старухи-ти, ак окна зависили. А Васька-то Итенин да Лукенья-то ходили да доказали. Ак их цють не забрали – пошто тут робёнка отпевали? Ой как было строго! Вот тогда эдак и было.

А мама-то была не староверка, ак она во своём уголке молилась, только што староверка, примирилась стару веру. А молилась, молилась всё дома, никуды она не ходила. Она неграмотна. Она из этой деревни была, где Калиста (д. Подкуст). Вот сейчас дом двояэтажной тамока жёлтой стоит, из тово дома. Самой-от большой, двояэтажный дом, дак мама из тово дому.

Нет у нас староверов тепере, все примерли. Дак умерли. Нет теперь староверов. С Игнатовской, с Подкуста. Дедушко там не старовер был, бабушка староверка Митродора была. Мама здись, знаёшь, уж остарела да и пошла в веру. Выводила всех ребят. Девки у меня все сёстры розъехались по городам, выросли. Мало все поуцились.

Да как же? Стара вера наша, а эта теперь мирьская вера. А это мирьская вера. Христианская настоящая вера, самая хоро..., строгая вера. Правильно надо <креститься>. Штэпетью нельзя. Штэпетью нельзя. Надо крестице правильно. Книги старовирьские. Я по этим книгам не умею цитать. Эта самая у меня хорошая, крепкая. Все изорвались, все чисто изорвались книги-те. Все... Какая старуха-то...

Все старухи-ти обрадили, што я ушла в веру-ту. А поминать-то некому. Мне та откажет, другая откажет. Да вот уж как сейчас изорвались. Всё сейчас по этим книгам молюсь. Всё по книгам, пока хорошо вижу пока, да слава Тебе, Господи! Да всё. У меня и Калиста добро... Она уж не старовёрка, она уж хорошо ведёт... У меня теперь нет нико́во, все умерли, цисто все умерли. Ешто в Наумоськой есь Лидия, с мужиком живёт. Не старовёрка. Да телевизор и смóтрит, да всё да. Я посмотрю да... Посмотри, посмотри, какие... Пецять какая... Это называеце цясóвник, а это <п>салтырь. Это <п>салтырь, а это цясóвник. Ауа, цья есь-то дак. Цья есь-то дак, напишут. Аньфисити бывшей, покоенки. Ак мне и натаскали книг-то. А я и рада, я вот топёрь и сижу за книжками, читаю всё, читаю.

Дак э́к и у нас-то. Што прибили старовёров! Убьют в дороге! И Гришу-то ино́ка убили до Тотмы. Незамо́г. Инок был главно́й, инок! У ёй моленна была – я ведь быва-ала. Потом уцились мы в этой моленне. Ак умёр, незамо́г идти, так ёво два-ти милиционеры ухрястали да бросили тут в лесу, да и оставили. Да вот когда война-то нацалась да строго-то было, тогда. В первую очередь и стали забирать всех старовёров. Меня бы сейчас первую забрали!

Ви́дишь, ведь раньше – Советской Союз был – дак не было ти... Иконы даже забирали. Икон не было, ведь не выставишь иконы. А сейчас-то иди и не запрешено. Сейчас – молись. Да, да. Да́к эти избы-ти были, дак и во всё, иконка-то и была у мамы. Ну, дак мама-то ишшо, тогда ишшо, когда забирали, не старовёркой была. Когда как окуценулось всё-то, тогда успокоилось дак. Вот этот был Сталин-от, враг-от <...>.

Старовёров-то? Ну да как же не много? Это вот по Сивкове, по Сивкове до Пёршина вдругоняк (?) – это всё старовёры были. На Цибу́нихе была в той деревне моленна, в доме молились вот, втихаря-то. Да вот Гриша-инок – была у нево моленна. А церква... У нас-то цясóвня в Подкусте тутока – то же молились, собирались.

Всё нарушали, всё цисто нарушали. Все церкви, все молёны. Старовёры молились по своим углам. Не ходили в церковь. Им нельзя было ходить в церковь. Вот... На кладби́ше было у нас избушка. Вот пойдут старовёры туды молище. Все старушки пойдут с корзинками – це́ наберут. Там отмояще и по могилкам пойдут. Нет, были старовёры. Как нацался этот век, пошло старовёрство сразу, сразу старовёрство пошло. Только не все были старовёрами, но много было старовёров. У нас – считайте – в Сивкове уж от Сивковы – к тому Зари́цию от Пёршина до у нас до Наумоськой всё старовёры были.

Где? В Красном? Не, не... В Заборье-то? Красноё-то? Нет. В Верховьи, в Верховьи, у нас старовёры всё были. У нас всё в Верховьи всё старовёры были. Двадцати двух робёнок крешшала. Да и старых-то в старую-ту веру надо. Мирьская я была – привезли попа, он меня окрешшал. А потом в старую-то веру надо идти-то, надо крестище.

Над старовёрами-то были у нас бабы, старухи были. Ну ак меня и окрестили на реке. А потом не стало-то нико́во, а я уж ходила с имя, молилась, молилась, уцилась, уцилась всё – я и науцилась. Я сразу науцилась читать. Книгу меня мама сразу благословила. «Вот, – говорит, – дёвка, – молоденька осталась, без мужика. Другой раз не выходи. Пёрва полянка не скрасила, другой нечево ждать. В первом <замужестве>

цёсте не́ было, дак и в друго́м <не будет>. Подыма́й де́вку и живи́». Вот. Потом ста́ла заставля́ть Бо́гу моли́ще. «А уйди́, – говорит, – в ста́ру ве́ру, нау́цись цита́ть, бу́дешь, – говорит, – и спасе́шь свою́ ду́шу». Вот мне всё ста́ла наговаривать, наговаривать: «Вот вы́полни моё́ благословле́ние: уйди́ в ста́рую ве́ру и моли́сь. Нау́цись в пе́рву о́чередь цита́ть – и ты попаде́шь в ца́рьско небесе́ное», – говорит. Вот та́к. Я и всё ма́мы послу́шала. Все веце́ра всё с ей сиде́ла, она́ мне всё сказа́ывает: та́к-то, та́к-то на́до. «Прожи́вешь до́уго, мно́го годо́у, – говорит, – ста́нешь Бо́гу ве́ровать дак». А у на́с столько́ в роду́ несто́лько нехто́ не жи́л, ско́лько я вот живу́. Всё живу́ и живу́, ешшо́ ци́сто ешшо́ всё са́ма и де́лаю. В огоро́де всё ци́сто – посади́ли вот, скопа́ли прие́хали Ни́нка-то с робя́тами да скопа́ли да, боро́зды сде́лали, гряды́ да – це́ хо́шь де́лай. На́до всё ци́сто вот сде́лать в са́ду-то.

Про работу на тракторе

Два́дцать сем го́дов ро́била на комба́йне. «Ю́жные»-ти комба́йны. Наверно́, показы́вают когда́. Большо́е-ти. «Ю́жный» называ́ютце. «Се́верный» и «Ю́жный» бы́ли. А потом по́шли самохо́дики-те. Я уж на то́т не пошла́ ущи́це. Я не таскала́, я комбанё́ром бы́ла. Ме́ня таска́ли два колёсника. Я комбанё́ром. А та́к-то я весно́й и о́сенью на тра́кторе ро́била, паха́ла, сия́ли всё на колёснике. А как убо́рка – на комба́йн иду́. Не́т, я не ро́била, не ро́била. На то́ уж ущи́це не ста́ла. Не ста́ла ущи́це. А уж го́ды большо́е дак. Трудно́ ведь на то́т-от ущи́це-то. А це́ же́ я с двумя́ кла́ссами? Хо́ть тра́ктор-от вы́уцила да э́тот-от комба́йн вы́уцила.

Восемна́дцати го́дов ушла́. Сенокоси́ла всё, а война́-то наця́лась, ходи́ли ле́том-то все, мужико́в-то гони́ли – тра́ктора-те сто́ят. На война́ угони́ли мужико́в-то, война́ наця́лась. Вот де́вок забира́ют. Все пря́таютце. Вон Теку́ска Е́лькина то́же пря́таласе. Лю́дно, все в лес убежа́т. А вот я всё борони́ла, дак всё люби́ла ду́х э́тот от тра́ктора – па́шут-то всё тра́ктора. «Ма́ма, я дак, – говорю́, – пойду́ на тра́ктор!» Вот. Ну, ма́ма сказа́ла председа́телю: «Возьми́те у ме́ня де́вку-ту. Хо́ть зарабо́тывать ста́нёт». А Егору́ Андрия́нови́чь был поко́йной – ца́рство небесе́ное! – вот, туды́ заявиль. Я туды́ прие́хала, а мне годо́у не хвата́ет, нельзя́ ме́ня: моло́да. Ак прибави́ли мне́-ка. Егору́-от сказа́л: «Да́к, – говорит, – прибавь́те, не́кому у на́с большо́е». Ме́ня и взе́ли. Вот я вы́уциласе. Ше́сть ми́сяцев ущи́лись в Забо́рье то́гда.

Мне гляну́лсе ду́х тра́ктора. По ветру́ – дак ой ка́кой ску́снэй душо́к! Ак я говорю́: «Я люблю́ ведь тра́ктор-от. Ма́ма, я дава́й пойду́». – «А по́йди, – гэт, – де́вка, хо́ть ста́нешь зарабо́тывать. Ка́к мы с э́кой семье́й-то топе́рь ста́нем-то?» Я и ушла́. Да и ста́ла ро́бить, вы́уцила тра́ктор о́дин.

Эти́, колёсники, тяжё́лые они́ бы́ли. Ця́стей не́ было, це́-то слома́еце, сваря́т, дак наси́лу рули́шь. Бы́ло тяжё́ло на э́тих тра́кторах ро́бить, не та́к, как на «Белору́зах». Я всё на э́том и проро́била. А на комба́йне – на то́м ле́кце. Ак проро́била ле́то на комба́йне, на тра́кторе хоро́шо – о́сенью на комба́йне́ра отпра́вили в Жа́ровскую туды́. То́же це́тыре ми́сяца ущи́лась – вы́уцилась. Вот и ста́ла: ве́сну па́шешь, потом в убо́рку убира́ешь ско́по по райо́ну-то.

Вон в Та́рноге-то э́то мой последно́й <тра́ктор>. Я на пи́лора́ме уж бы́ла: тра́ктор о́дин, всё ци́сто э́ти «Белору́сы». А о́дин мой – пи́лора́му крути́ла це́тыре го́да, лес пи́лили. Да́к Ру́цьев, поко́йник, дире́ктор, прие́хал: «Ну, – говорит, – Фе́досие́вна, – дава́й. – гово-

рит, – отганивай трактор. Вымой, распрошайся и сгони своим ходом в Тарногу». Так я ревели всю дорогу! Трактора жаўко!

Ну-ко, на ём робыла. Всю дорогу ревала, гладила ружьём (?): «Боле мне на тебе не бывать!» Ну вот, и пригонила туды, застала. Тут у нас из школы машина легковая была с кузовом, эка прежняя. Ту тоже приказали, дак Сёнке сгоню долоченской. И ту поставили. Они всё и стоят топерь. У мян внуки маленькие были, дак в Тарноге приеду: «Вот, – говорю, – Андрей, мой ведь трактор». – «Бабушка! Мы посидим на ём». Дак всё-то бегали на трактор-от сидеть.

А посмотрите. В музее стоит трактор и машина. Машина школьная была. На середке ведь вроде тут, и автобусна недалёко от нёво. Шо ты! По улици-то идёшь, дак он на дороге на самой дак, в центре. Ёво всё подкрасят дак. Я вымыла да, привезла-то, поставила ёво тут. Да ешшо смазать велили этым, маслом. Дак я посмазала, дак экой новой трактор стоит! Дак и цясто больно йиздила. Дак всё-то поревлю: «Ты у меня всю силу вытянуу, трактор! – ревала над йим, – што ты силу у мян вытянуу!» – Тяжело ведь нам сильно рулить-тот вот. Он задумает, как грязно, дак пойдёт и пойдёт, не можёшь ёво розворотить-то. А ведь молоденька нацяла, дак силы-то не было. Вот и робыла двадцет сем годоу.

Да с самово году нацяла роботать, как выуциласе да, двадцет четвёртэй был трактор номер у колесника. Сорок тракторов было в эМТээСе-то. – Как жё не старый? На ём робыли мужики. Ранше всё мужики. А потом-то насадили девок, а мужиков-то прибили дак, всех прибили трактористов-то, ак молоденьки парнеки были дак. Дадут первоуцку дак, день и ноць робышь, не оставишь ёво – нице, простоит ноць-то.

В поле и привезут <топливо>. Где работаёшь, тут и привезут. Карасин. На смену-ту хватало. От шести до шести роботали. В шесь цясов вечером сминимся – до шести утра.

А мотор-то – четырё, четырё, четырё <цилиндра>. Подтяжка надо было делать. Какая непогода – вызовет, проверишь люк. Проверишь – ой-ёй, подтяжка надо делать. Попоуёшь – дожд, ливень, вся там промокнёшь-то. Без каби-и-ны. Как на собаке сидишь. Ой, а мороз-от! А ведь не уйдёшь – вот какая строгось в войну-ту была! Вот. Ой, Михаил Иванович, покойник, был бригадиром: «Ты цево остановилась? Куды бегала?» – «А я гу: в ропочь ушла, под ёлку. Все цисто смокли», – гоорю. Ведь не уйдёшь смена – вот какое строго было. Надо, да ведь надо и робить. Простойшь смену, дак не заробишь сколь. Другой сминище, дак тот проробит, а я простою дак. Надэ робить. И в дожд вся промокнёшь, а вся одежа-то худая-та была на нас, всё портяноё-то было. Одежи-то нецево не было-то, платка-то тёплого не было дак. Сияли, дак мешков-то <в>идь больно много привезут дак, мешок-от украдём, не сдадим это, дак окрасим в какой краске, дак вот это и шаль. Оповяжесся назад конци-то – дак ой как, слава Богу, тепло-то седни! Вот. Вот как жили.

Досталось. И дома идь было це? Всё лён ростили, да лёс, да кат дак. Все ноци мама-то сидела. Эка жизнь-от: всё прели да ткали да. Всё портяная одежа была, неужели бы... У нас петь девок было дак, три сарафана на троих-то было наряду-ту. А потом-то я стала зарабатывать, много зарабатывала-то дак, деньги-то были, дак дом строила и наряжалась, и всё. И девки поуцилисе. Сяяс-то видь уйихали все. Ну вот, так вот.

Про приезд столичных жителей

Много, много приходили. Из Москвы, из Ленинграда. Это приедут на машине. Приходили много. Я горю: «Доходите!» Нинке, дочери: «Заберут меня, Нинка, наверно, скоро! Только идут!» А грех не пустить-то в избу-ту! Грех ворота-ти запереть ведь! Ведь это пьяници идут, дак надо запирать от тех.

Опять на Тольке <приехал>. А Серёга-то не велел пускать-то. А Мишина изба-то ведь на угоре-то стоит. Мише Валька-то откажу, а Натолька ево опять пустиу. А ёму надо свой дом. А все дома несамостоятельны, говорю, ты обошёу. Тот надо, тот надо... Все не берёт. – «А мне надо твой дом». А как это мой дом? Я жива, дак никому я дому не отдам. Приехал опять. Весной быу да опять приехау. Дак вот я гоорю: «Пока жива, никуда я дому ведь не продам». У мяя ведь эстоко тамока – три парня, гоорю. Кто, я знаю, как жить-то будут. Умру – как хочёт Нинка. А Нинка: «Продавай! Це хочёт делай!» Так. Так ёму гленице место: магазин рядом, огород большой, всё насажено.

У меня тожé из Архангельска – это будет... Цево будет? Оне из Дороники были. Так тожé вот звонят: надо вот приехать. А этот один-от старовёр. Так надо ёму молице, по старой вере. А он нездоровой, волосём обвисице, как поп. Экой худой братик. А он-то большим нацяльником этот в Архангельске-то. Звонит по телефону всё. Молится тоже сам Богу. И тот вельский.

Ой, с Ленинграда какой-то <приезжал> дак. У мяя Лидька, сестра гостила. Сидим: «Ой, – крик, – Санька, к тебе какая-то машина приходит. – Ой, да выходит, – говорит, – мужик». А это председатель сельсовета, Натоля. «Ой, а этот-то в дом». Ой, до потолка! Во всём белом костюме! Потфель-от какой! Идёт прямо, идёт, поздороваусе, сел туды. Книгу раскрыл и давай писать. Тожé всё выспрашивал. Я гу: «Ты меня заберёшь. Цево мне сказывать-то? Я и не смю, шо говорить». Вот. А Натоля убёжал к Зое своей, так посидит тамока пока.

Ак всё вот тоже избы-ти смотрел. «Да в ту-ту можно сходить?» – «Поди, поди, и в ту посмотри цисто тоже». Доуго писал. Как в избе, всё да всё. Всё тожé эдако выспрашивал. Из Ленинграда был мужик.

Из Москвы даже <вы>. Ой-ё-ёй! Так вот, эдак, мне Лидька-то и баёт: «Божатушка, тебя заберут скоро, – говорит, – што же только идут да спрашивают. Ты не рассказывай, нет скажи, што я ницео не знаю, ницео не знаю». Я гу: «Лидька, я ведь книги читаю. Нельзя ведь! Вот идёт... идёт прохожающей, зайдёт к тебе, придёт – ты ево не обругай, не оскорби и не обругай. А напой и накорми и скажи: «Поди с Богом по своей дороге!»

А эти, москвичи-те, сейяс у Натольки-то живут. Лидия-то пришла в магазин, мы сидим да с ёй цяй пём – Иваноу день был, праздник. Сидим, а уж эти и приехали, москвичи, в первой раз. Куды жё? Остановились тут. Опять ко мне идут эти два мужика: бородатый один да и этот, молодой один. – «Цео же, Лидя? Обирать?» – «Не обирай! – говорит. – Што такое? Придут да уйдут». А они еду: надо этта жить – фотографировать всё да, художники да. А им в Тарноге-то сказали, что к Натоле-то йдите. А они не знают где, надо спросить. Вот. У первого целовека пойидите, дак спросите, где Натолий Фёдоровиц, дак и найдите ево. Где первой дом? Первой дом нежилой дом. А едут – глянула Лидька-то в окошко, оне сразу и зашли. Вот. «Откуда вы?» – Лидька всё

выспрашивает у них. – «А мы идём из Москвы, из Ленин...» Нет, они москвичи тоже. «Из Москвы едем тоже». – «А зачем вы сюда идёте?» – «А мы рисуём. Сейчас нигде нет ни магазинов, ни столовых. Как тут люди живут?» Ак Лидька-то: «Ак вы што? Не обедали, может? Садитесь!» Ну вот. Она говорит: «Дак мы бы сели». – «Садитесь за стол». А самовар тогда согрела. Я им супу наклала, яйца были да кое-што – собрала ему тут на стол: «Ешьте!» Они наелись. Да вот как она спасибо-то сколько сказала! «Как ты нас додумалась-то, – спросили, – как звать да всё. – Может быть, мы и здись и долго будем жить дак, надо узнать-то. Как ты догадалась нас покормить-то? Мы голодны, правда», – говорит этот, Микола-то. Вот с того-то он нацел привораживать ко мне да. И всё как приидёт, уж ко мне надо – придёт. Топерь со всей семьёй приехал.

А он живёт там у Натольки, у этого мужика тамока. Отдельно избушка назад. Ну вот. Она говорит, пожилой-от говорит: «Как ты надумала нас угостить-то?» А я говорю: «Вот». – «Ты, – говорит, – Богу молиссе?» – «Молюсь». – «То-то што, – говорит. – Кто Богу молище, тот всегда не прикинёт нищих». А я говорю: «Господь людей написал: Идёт прохожий – он к тебе зайдёт. Ты его не оскорби и не обругай. Напой, накорми и скажи: Иди с Богом по своей дороге!» – Это сказано в книге, как надо с целовеком. Нельзя его обругать да, нельзя шо не дать ему мило... От себя оторви, да дай. Всё чисто в книгах пишеце. Ой, эдак вот он! И топерь уж сколько годов-то сюда йиздит к Натольке! – как приедут, обязательно идут. Топерь уж и с женой йиздят и со внуком. А седни уж поедет стрицеть: сам приехал, всё привёз. А собака-та какая страшная! Опеть с собакой. Я гу: Только ты! ... Ну я ему – пойдёт осенью – я ему картошки, пойдёт осенью, дак я ему картошки дам. Он мне деньги даёт. Картошки дам, луку дам, варенья. Ковды приедут, ягоды – дак ягод пообираю. Сёгода приехали – очищено у меня всё было. Вот как бывает, вот. Дак надо ведь! Каля, молодец, вот ты их присвоила – это большое спасенье. Спаси Господи! скажешь – дак только за это. Нам только надо это – спаси вас, Господи, и помилуй! А брать ницео нельзя.

Про наказ матери

Мама так заказывала: «Умирай в своём доме, за Нинкой не волоцись никуда. Умирай в своём доме, на своё кладбище, ко своим родителям». Вот так. Я выполнила её приказание. В веру рано она меня велела зайти. Ушла, это я всё молюсь. Только бы не схоронили на кладбище на своё дак. Кто знает, как они меня бросят. Этим-то ведь говорю: «На вас вся надежда». Борис домовище хочет мне сделать этта, Боря-то. Управлюсь, говорит с домом-то, так сделаю дак. Вот. На кладбище надо на своё. Кладбище-то уж у нас до деревни доходит. Хоронят больно. Умирают-то цясто.

Про мытьё избы перед Пасхой

<Раньше переды-ти мыли, Олёксандра, помни-ко всё! Зайдешь, дак моют всё, дак Лебеди летят!> Ой, ведь правда, правда! Я то-то передов-то перемыла этих! Забыла уж я всё, забыла, ведь много годов-то, так всё забыла. Вот перёд это называецце, та зимовка. Вот в передах надо. А всё было, у всех не уклеено, всё эко дак. С дресвой-то лаптем шоркали. А потолок-от... Ой, я и помыла передов-то! У Костиных, у девок у всех, у божатки-то, у Маши-то на Боранни. У этой-то перёд экой матерушкой! Всё надо было драть, и пол некрашеной были. Половиков ведь не было ницево, поу деревянной белой. Всё опять лапоть на ногу наложит. Дресвы-то насоплешь, эстолько,

целую цяшку вымоешь дресвы-то. И шоркаешь, и шоркаешь. А потолók-от как тяжёло дак! Оттого руки-те болят. Эстолько! Мама всё баяла: «Больно и шальная! Переды-ти мыла, дак вот топёрь, – гыт, – гнись руками-то!» Руки-ти болят. Вот ведь это раньше-то как было! А топёрь-то ведь краса! У мяя топёрь Нинка оботрёт малёнько копать-та, перейдёт – добро! А сёгоды никак не мыла!

В настоящее время в речи представителей старшего поколения на месте гласного, восходящего к древнему дифтонгу, обозначавшемуся буквой «ять», перед твёрдым согласным звучит гласный [e]: véру-ту, дёвку-ту и т.д. Перед мягким согласным звучит, как это и полагается в вологодских говорах, гласный [и]: здись, смію, зарицью, місяцев, йіздили, велили, старовірьские, сминилося, надия и т.д.

Ударный гласный [a] в положении перед мягким согласным реализуется в звуке [э]: петь <дéвок>, взели, прéли, зéть-от, опéть, глéнеще и т.д. Данные факты позволяют учёным отнести тарногские говоры к группе вологодских говоров, характеризующихся архаичностью. Однако в современной диалектной речи тарножан наблюдаются и отклонения от общей закономерности, вызванные уже, по-видимому, влиянием литературного языка: зять, дядя и др.

Говор, разумеется, характеризуется оканьем: мо́лока-то, ко́рова, мо́лозевом, простова́тики, пожа́р, домо́у, со́шла, бо́льной, покосу, хоро́ша, копе́шки, ходить и т.д. Любопытно произношение слова догада́лась. В нём вместо ожидаемого звука [a] наблюдаем гласный [o]. Полагаем, что это отражение архангельской изоглоссы. Отчётливое произношение гласного [o] наблюдается в говоре во всех безударных положениях: мо́лодинька, говори́ли, подо́жгли, ко́локольня, по́утора, пообряжа́лась, говори́т, поберегись; мно́го, вило́у, бы́ло, ши́боко, отеч-от. Все вологодские говоры являются окающими, оканье здесь наблюдается полного типа. Эта черта чрезвычайно устойчива, и пока кажутся необоснованными тревоги по поводу того, что на смену вологодскому оканью приходит аканье (Vaahtera 2002).

Безударный вокализм после мягких согласных обнаруживает следы былого ёканья: от нёво́, ёво́. Чаще это явление в говоре проявляется в заударном положении: уме́р, кла́дбишше́, небе́сноё, рису́ём, други́ё.

Говору деревни Великая и её окрестностей присуще, как явствует из наших записей, мягкое цоканье. Цоканьем называется неразличение звуков [ц] и [ч], совпадение их в общем варианте звучания, звуке [ц]: Цибу́нихе, це́рква, ци́тать, ци́сто, це́тыре, цево́, це́, пеца́ть, цю́жие. Звук [ц'] произносится также и на месте сочетаний тс, дс на стыке морфем: уци́ще, крести́ще и др. Неразличение [ц] и [ч] проявляется в тех говорах, которые, как полагают диалектологи, связаны по своему происхождению с бытовавшими здесь в древности финно-угорскими языками.

Тарногским говорам свойственно особое произношение звука, соответствующего звуку [л] в литературном языке. Звук [l] здесь полумягкий: бы́ла, не́ было, Во́лодя, сде́лай, сде́лали и др. В положении перед последующим глухим согласным и на конце слова этот звук произносится как [j̥]-неслоговой:

молиўся, жэніўсё, быў, слизаў, уехаў, отбійў.

Тот согласный, который звучит в речи тарножан, называется l-европейским, или l-средним. Европейским звук называется потому, что звук такого же типа известен западноевропейским языкам. Наименование средний подчеркивает акустическое впечатление, производимое звуком, – не твёрдый и не мягкий, а средний, лишённый той или иной дополнительной окраски. Диалектологи предполагают, что такая произносительная особенность в отношении фонемы [л] сформировалась в говорах под влиянием соседних финно-угорских языков.

Согласный, соответствующий орфографическому щ, звучит, как твёрдый долгий звук [шш]: запрешшено, крешшала, распрешшайся, сообщшат. В отдельных случаях произносится звуко сочетание [шт]: ешто, штепетью.

Изучаемому говору не свойственно прогрессивное ассимилятивное смягчение согласных: Лидька, Наумоська, Санька. Отрицательный результат в диалектологии бывает очень показательным. Так, в соседнем с Тарногским Тотемском районе (наблюдения проводились в селе Великий Двор) эти же слова были бы произнесены как Лидька, Наумоська, Санька. Слово война звучит с твёрдым звуком [н], т.е. без прогрессивного смягчения, тогда как в том же тотемском говоре звучит мягкий [н']: войня.

Почти повсеместно в вологодских говорах – и в тарногских в частности – наблюдается утрата так называемого интервокального (находящегося между гласными) звука [j] с последующим стяжением гласных звуков: молённа, молодинька, Наумоська, неграмотна, пёрву, прэжня, стару, эдако, эка. Такое произношение закреплено по преимуществу за определёнными формами: глаголами в настоящем времени, полными прилагательными, сравнительной степенью прилагательных. Здесь же мы его видим в основном в прилагательных, числительных и местоимениях.

При внимательном прочтении текстов, отражающих речь тарножан, обращаем внимание на факты типа есь, ись, жизнь, строгось, шесь. Все они свидетельствуют о разрушении конечных сочетаний согласных [ст], [зн]. Разрушение труднопроизносимых групп согласных наблюдаем в названиях деревень: Наумоська.

Ограниченный объём статьи не позволяет дать исчерпывающий обзор обнаруженных грамматических особенностей тарногских говоров, поэтому отметим лишь некоторые из них.

Диалектной является форма местоимения онё. В древнерусском языке такой формы не было. Для Вологодского региона она является обычной. Форма возникает в связи с аналогическим воздействием местоимения те. Характерно употребление местоимений 3 лица после предлогов без начального звука [н]: про их, на ём, с имя.

Глаголам почти не свойственно характерное для говоров восточных районов области употребление форм типа вы свезитё, беритё, пойдетё с ударением на последнем слоге. Отмечен лишь один факт: найдите его.

Из синтаксических особенностей обратило на себя внимание использование повторяющегося союза да: да скопали да, боро́зды сде́лали, гряды да; фотографировать всё да, художники да; Отби́у да, загуля́у да, у́ехали в Вельск.

Говорам Тарногского района свойственно употребление прямого дополнения в форме винительного падежа, равного именительному: не уйдёшь смена.

Для многих севернорусских говоров характерно употребление постпозитивных частиц. Такие частицы свойственны и литературному языку: кни́жки-то, учи́тель-то. Но в вологодских говорах таких частиц больше и проявляют они себя своеобразно, нередко «согласуясь» со словами, к которым относятся: Егóр-от, враг-от, на то́т-от, са́мой-от, соба́ка-та, ве́ру-ту, де́вку-ту, в ту-ту, кни́г-то, избы-ти, колхо́зы-ти, лю́ди-ти, два-ти, цю́жие-ти, Аньфи́сити, стару́хи-те, стару́хи-ти, самохо́дики-те, трактора-те и др.

В предложенном обзоре местных черт тарногских говоров фигурируют далеко не все их особенности, а лишь те, что максимально доступны наблюдению и интересны, как представляется, широкому кругу читателей.

Охарактеризованные фонетико-морфологические особенности свидетельствуют в пользу того, что тарногские говоры, относясь к говорам Вологодской группы севернорусского наречия, имеют ряд отличий от других вологодских говоров. Так, не встретилось произношение Манькя, Санькя (ср. такое произношение в тотемских говорах), не отмечено совпадение окончаний творительного и дательного падежей ед. числа своим рукам, с разным грибам (ср. такие формы в тотемских говорах), не фиксируются формы из тыё, у хорошиё, которые очень характерны для сямженских говоров, редко звучат формы типа найдите́ и др.

В тарногских говорах до сего дня употребляются многочисленные специфически местные, диалектные слова: Робит он, вопроход робит. Уповод мы поробили с Савватиёвной; Ропочь у нас называёцце, Малиновая ропочь, поляна. Ниже-то ропочи был сенокос; Грибы да воуденки, дак мы называли обошч. У мя́ мно́го насо́лено обошчу-то; Ой, ма́зь была хоро́шая! Да́к не по́мню назо́вь...; Лю́дно це́ляди-то было; Ко́ля-то был до́мовик – па́шный был, пе́теро ро́бёночков. Пра́в-то е́му не остава́лось нице́го, па́шный он. Е́му доста́лось, па́шному.

Активно функционируют слова с древнейшими, ещё общеславянскими корнями: Ну дак с кем побаяла?; Для басы-то берут ведь не эки; Я недоцюла. Цео сказа́л?; Давай пейте! Егó не перецо́уть! Зафиксированы слова, восходящие по своему происхождению к эпохе восточнославянского единства: Переоболоки. Оболоки халат; У меня́ дете́й бе́ре́мя да хлёв скоти́ны.

Обнаружены архаические слова, на базе которых в русском литературном языке сформировались более поздние производные слова. Она́ тишком, тихо убега́ла, не сказа́вшись да́же жениху́. Ср. исподтишка́.

Чрезвычайно детализирована лексика, характеризующая человека. Так, например, в беседе с супругами в одном крестьянском доме для характе-

ристики человека записаны слова ряха, странь, лотя, нёмко: Я хожу старухою, некрасивою ряхою; Я не странь был, передовик везде. Дак я гоорю, что я не странь, не лотя!; Пока молцю! Нёмко!

Многие из слов раньше уже были зафиксированы в Словаре вологодских говоров, но теперь даются в новых, убедительных контекстах: – Из Лохты баба. Жениуся. – Откуды? – А из Лохты; За ночь нанесёт стручок снегу, дак насилу открою.

Отмечены некоторые ранее не зафиксированные в вологодских говорах диалектные слова: говендуха ‘изношенный предмет одежды’ (Все говендухи выкидал); подворова ‘огород’ (Раньше подворовой называли, а сейчас – огород); перечуть ‘переслушать’ (Давай пейте! Его не перецють); странь ‘опустившийся человек’ (Я не странь был, передовик везде.); тысинка ‘ласковое обращение к ребёнку’ (Прёжно у нас баяли тоже: тысинка); ряха ‘неопрятный человек’ (Я хожу старухою, некрасивою ряхою) и др.

Наблюдения над лексикой тарногских говоров свидетельствуют, что в диалекте как в живом языковом образовании и в настоящее время происходит выработка специальных средств для именования новых реалий. Так, у диалектного глагола напоточить ‘собрать в какую-либо ёмкость воду, стекающую с крыши во время дождя’ (Раньше воду-то поточили – набежало поточной воды, ой как я волосы хорошо промыла!) развивается новое значение – ‘набрать с помощью насоса, накачать’: Она и воды напоточила шлангом. Сосёдке-то напоточу и отнесу канистру.

До настоящих дней в диалектах Тарногского района Вологодской области функционируют отдельные элементы архаической системы народных благопожеланий. Они выражаются фразеологическими и другими устойчивыми сочетаниями слов. Чаще это вообще клишированные, формульные обороты речи. Спектр благопожеланий достаточно широк: Бело мыть (колотить, полоскать, стирать)! – тому, кто занимается полосканием белья; Лебеди летят! – тому, кто моет иолы в доме; Кузов шерсти! – тому, кто стрижёт овцу; Сто локот на пришивцу! – тому, кто занимается ткачеством; Крепка бы пива вам! – тому, кто варит домашнее пиво; Мясо – сахар! – тому, кто режет скотину на мясо; Мор на вшей! – тому, кого застали в момент борьбы с педикулёзом, и т.д. Благопожелания фиксируются обычно в диалогических единствах, ср. реплику: Мясо – сахар! и ответ на неё: Цапай горстью!; Бело полоскать! – Спасибо! Перечисленные выше стереотипные формулы нередко употребляются наряду с самыми общими пожеланиями добра, успеха, удачи, такими, как Бог на помощь! Труд на пользу! [Зорина 2012].

На основании изложенного полагаем, что тарногские говоры относятся к северо-восточной подгруппе Вологодской группы говоров. Такое предположение вполне согласуется с историей заселения этого края, куда славянское население пришло, как известно по историко-археологическим данным, из новгородских земель (Угрюмов 1992: 18–19, 31).

Материалы Тарногской научной диалектологической экспедиции 2012 года постепенно вводятся в научный оборот (Зорина 2012), можно поэтому

надеяться, что они, помимо хранения в архивах, будут активно использоваться специалистами самого разного профиля.

Словарь диалектных слов, отмеченных в речи

А.Ф. Поповой

Ак. См. Дак.

Баять, аю, ают, несов., перех. *Словесно выражать мысли, говорить.* Мне Лидька-то и баёт: «Божатушка, тебя заберут скоро!»; Мама всё баяла: «Больно и шальная! Переды-ти мыла, дак вот топерь, – гыт, – гнись руками-то!»

Божатка, и, ж. *Крестная мать.* У Костиных, у девок у всех, у божатки-то, у Маши-то на Боранни. У этой-то перёд экой матерушкой!

Божатушка, и, ж. Ласкат. *Крестная мать.* Мне Лидька-то и баёт: «Божатушка, тебя заберут скоро!»

Глянуться, нусь, нутся, несов. *Приходиться по вкусу, нравиться.* Не ходи в мой туалет! Поди под ёрку! Ты не делал! Люди-ти сделали, дак теперь похаживает. И гләнеще тебе!

Волосье, я, ср., собир. *Волосы.* А он нездоровой, волосьём обвислице, как поп. Экой худой братик.

Вдругоняк, нареч. Знач.? Это вот по Сивкове, по Сивкове до Пёршина вдругоняк – это всё староверы были.

Выводить, жу, дят, сов., перех. *Воспитать, вынучить.* Мама здись, знаёшь, уж остарела да и пошла в веру. Выводила всех ребят. Девки у меня все сёстры розъехались по городам, выросли.

Глянуться, нусь, нутся, несов. *Приходиться по нраву, по вкусу, нравиться.* Мне глянулсе дух трактора. По ветру – дак ой какой скуснэй душок!; Так ему гләнеще место: магазин рядом, огород большой, всё насажено.

Гонить, ню, нят, несов., перех. *Насильно забирать, угонять.* Сенокосила всё, а война-то нацялась, ходили летом-то все, мужиков-то гонили – трактора-те стоят. На войну угонили мужиков-то, война нацялась. Вот девок забирают.

Да, част. *Употребляется для подчёркивания, выделения однородных членов в предложении.* Приехали Нинка-то с ребятами да скопали да, борозды сделали, гряды да – цё хошь делай.

Дак и **Ак**, част. Усилит. А уж Лидька в зыбке кацялась, родилась без ево дак. Ак я стала робить-то на тракторе, двадцать сем годов робила на тракторе.

Двоетажный, ая, ое. *Двухэтажный.* Вот сейчас дом двоетажной тамока жёлтой стоит, из тово дома; Самой-от большой, двоетажный дом, дак мма из тово дому.

Девка, и, ж. *Девочка, девушка.* Вот брат был ешто один, а петь девок было нас; Девки у меня все сёстры розъехались по городам, выросли.

Двор, а, м. *Хозяйственная часть крестьянского дома, где расположены помещения для скота, сена, инвентаря.* Раньше в деревнях ведь никаких туалетов. Бегали – за двор сходят да.

Двоюродник, а, м. *Двоюродный брат.* Приедут гости-ти в Троицу, эты двоюродники из Устюга.

Домовище, а, ср. *Гроб.* Борис домовище хоцет мне сделать этта, Боря-то. Управляюсь, говорит с домом-то, так сделаю дак.

Евонный, ая, ое. *Принадлежащий ему, его.* Здешной, здешной, в этом доме был, евонной и дом.

Еенный, ая, ое. *Принадлежащий ей, ее.* Умирай в своём доме, на своё кладбищё, ко своим родителям. Вот так. Я выполнила еенное приказание.

Заробить, блю, бят, сов., перех. *Получить в оплату труда, заработать.* Простоншь смену, дак не заробишь сколь.

Застать, ану, анут, сов., перех. *Загнать, поставить в отведенное место.* Всю дорогу редела, гладила ружьём (?): «Боле мне на тебе не бывать!» Ну вот, и пригонила туды, застала.

Зимовка, и, ж. *Часть крестьянского дома, где живут зимой.* Вот перёд это называецце, та зимовка; Ак розвалила этот перёд, весь переставили, подрубили в этом-то. Зимовка опеть – хуже и тово! Опеть давай зимовку строить.

Зыбка, и, ж. *Колыбель, подвешенная к потолку.* А уж Лидька в зыбке кацялась, родилась без ево дак.

Кат, а, м. *Лесозаготовка.* Досталось. И дома идь было цё? Всё лён ростили, да лес, да кат дак.

Ковды, союз. *Когда.* Картошки дам, луку дам, варенья. Ковды приедут, ягоды – дак ягод пообираю.

Копоть, и, ж. *Пыль.* А топёрь-то ведь краса! У мян топёрь Нинка оботрёт маленько копоть-та, перейдёт – добро!

Крешать, аю, ают, несов., перех. *Обращать в веру, крестить.* Двадцати двух робёнков крешшала. Да и старых-то в старую-ту веру надо.

Куды, союз. *Куда.* Куды хотите, идите. Вон идите под ёўку туды.

Людно, мест. *Такое большое количество. Большое количество, много.* Вот дёвок забирают. Все прятаюцце. Вон Текуска Елькина тожэ пряталасе. Людно, все в лес убежат.

Матёрый, ая, ое. *Огромный, большой.* У Костиных, у дёвок у всех, у божатки-то, у Маши-то на Боранни. У этой-то перёд экой матерушкой!

Надея, и, ж. *Надежда.* Только бы не схоронили на кладбищё на своё дак. Кто знает, как они меня бросят. Этим-то ведь говорю: «На вас вся надия».

Нарушать, аю, ают, несов., перех. *Разрушать, уничтожать.* Всё нарушали, всё цисто нарушали. Все церкви, все молённы.

Нет, союз *разделит. Или.* Ты не рассказывай, нет скажи, што я ницео не знаю, ницео не знаю.

Никуды, нареч. *Никуда.* А молилась всё дома, никуды она не ходила; Пока жива, никуды я дому ведь не продам. У мян ведь эстоко тамока – три парня, гоорю.

Обирать, аю, ают, несов., перех. *Убирать, прибирать.* Цео же, Лидя? Обирать? – Не обирай! – говорит. – Што такое? Придут да уйдут.

Оборонить, ню, нят, сов., перех. *Оградить от чего-либо, сохранить.* Молицце надо дак – оборони Бог! – заберут тут.

Обрадеть, ёю, ёют, сов., неперех. *Обрадоваться.* Все старухи-ти обрадили, што я ушла в веру-ту.

Огнить, ию, иют, сов., неперех. *Подвергнуться гниению, сгнить.* Зарабатывала-то много – и стала дом строить. Снацяла перёд, весь. До лавок сыпали зёрно-то, ак огнило сүтний угол дак.

Одёжа, и, ж. *Одежда.* И в дождж вся промокнёшь, а вся одёжа-то худая-та была на нас, всё портяноё-то было. Одёжи-то нецево не было-то, платка-то тёплого не было дак; Эка жизнь-от: всё прели да ткали да. Всё портяная одёжа была.

Окрещать, аю, ают, сов., перех. *Приобщить к вере, окрестить*. Мирьская я была – привезли попа, он меня окрещивал.

Окучнуться, нусь, нутся, сов. *Свершиться, закончиться*. Ну, дак мама-то ишшо, тогда ишшо, когда забирали, не старовёркой была. Когда как окученулось всё-то, тогда успокоилось дак.

Оповязаться, жусь, жутся, сов. *Повязаться, обвязаться. Завязать вокруг себя что-либо, повязаться*. Дак окрасим в какой краске, дак вот это и шаль. Оповяжесся назад конци-то – дак ой как, слава Богу, тёпло-то седни!

Остареть, ёю, ёют, сов., неперех. *Стать старым, состариться*. Мама здись, знаёшь, уж остарела да и пошла в веру.

Отганивать, аю, ают, несов., перех. *Доставлять в какое-либо место, отгонять*. Ну, – говорит, – Федосиевна, давай, – говорит, – отганивай трактор.

Парнёк, а, м. *Парень, паренек*. У Миколы-то парнёк-от заболел, даже умёр; Прибили трактористов-то, ак ма́ло было. Ак молоденьки парнеки были дак.

Перёд, а, м. *Передняя часть крестьянского дома, где проживают летом*. Зарабатывала-то много – и стала дом строить. Снацяла перёд, весь. До лавок сыпали зёрно-то, ак огнило сүтний угол дак; Ак розвалила этот перёд, весь переставили, подрубили в этом-то. Зимовка опеть – хуже и тово! Опеть давай зимовку строить; С дресвой-то лаптем шоркали. А потолок-от... Ой, я и помыла передов-то!

Покоенка, и, ж. *Покойница*. Ця есь-то дак, напишут. Аньфиси-ти бывшей, покоенки.

Попройти, дү, дут, сов., неперех. *Посещая, обойти*. Все старушки пойдут с корзинками – це наберут. Там отмояцце и по могилкам попрудт.

Пореветь, ву, вут, сов., неперех. *Поплакать*. Дак всё-то поревлю: «Ты у меня всю силу вытянуў, трактор!»

Портяное, ого, ср., в знач. сущ. *Домотканая материя*. И в дождж вся промокнёшь, а вся одежа-то худая-та была на нас, всё портяное-то было. Одежи-то нецево не было-то, платка-то тёплого не было дак.

Почто, нареч. *Почему*. Ак их цють не забрали – пошто тут робёнка отпевали?

Прибить, бью, бьют, сов., перех. *Перебить, убить*. А потом-то насадили девок, а мужиков-то прибили дак, всех прибили трактористов-то, ак ма́ло было. Ак молоденьки парнеки были дак.

Приворачивать, аю, ают, несов., неперех. *Заезжать попутно*. Вот с тово-то он нацял приворачивать ко мне да. И всё как прийдёт, уж ко мне надо – придёт.

Пригонить, ню, нят, сов., перех. *Доставить, пригнать*. Всю дорогу ревели, гладила ружьём: «Боле мне на тебе не бывать!» Ну вот, и пригонила туды, застала.

Примереть, мру, мрут, сов., неперех. *Вымереть, умереть*. Нет у нас старовёров тепере, все примерли.

Проробить, блю, бят, сов., перех. *Проработать в течение какого-либо времени*. Было тяжёло на этих тракторах робить, не так, как на «Белорузах». Я всё на этом и проробила; Ак проробила лето на комбайне, на тракторе хорошо – осенью на комбайнёра отправили в Жаровскую туды; Простойшь смену, дак не заробишь сколь. Другой сминицце, дак тот проробит, а я простою дак. Надэ робить.

Реветь, ву, вут, несов., неперех. *Рыдать, плакать*. Так я ревели всю дорогу! Трактора жаўко!

Робёнок, нка, м. *Дитя, ребёнок*. Приехали Нинка-то с робятами да скопали да, борозды сделали, гряды да.

Робить, блю, бят, несов., перех. *Трудиться, работать*. Ак я стала робить-то на тракторе, двадцеть сем годов робила на тракторе; На пилораме-то робила, зарабатывала деньги; Двадцеть сем годов робила на комбайне.

Ропочь, и, ж. *Поляна*. Куды бегала? – А я гу: в ропочь ушла, под ёлку. Все чисто смокли, – гоорю.

Ружьем (?), нареч. *Обняв, обхватив обеими руками*. Всю дорогу ревели, гладила ружьем (?): «Боле мне на тебе не бывать!» Ну вот, и пригонила туды, застала.

Сад, а и у, м. *Участок для овощей при доме, огород*. Приехали Нинка-то с робятами да скопали да, борозды сделали, гряды да – цё хошь делай. Надо всё чисто вот сделать в саду-то.

Сгонить, ню, нят, сов., перех. *Перегнать в какое-либо место, отогнать*. Тут у нас из школы машина легковая была с кузовом, эка прежняя. Ту тоже приказали, дак Сёнка сгонить долоченской. И ту поставили.

Сёгоды, нареч. *В текущей году*. У мя топерь Нинка оботрёт маленько копоть-та, перейдёт – добро! А сёгоды никак не мыла!

Сёдни, нареч. *Сегодня*. Оповяжесся назад конци-то – дак ой как, слава Богу, тёпло-то сёдни!

Сенокосить, шу, сят, несов., неперех. *Заниматься заготовкой сена*. Сенокосила всё, а война-то нацялась, ходили летом-то все.

Серёдка, и, ж. *Средняя часть крестьянского дома, расположенная между «передом» и «зимовкой»*. Дом-от долгой, как вот у Калисты. Серёдки были, всё.

Скусный, ая, ое. *Вкусный, ароматный*. Мне глянулсе дух трактора. По ветру – дак ой какой скуснэй душок!

Сутный: **Сутный угол**. *Угол в крестьянской избе, расположенный под иконами*. Зарабатывала-то много – и стала дом строить. Снацяла перёд, весь. До лавок сыпали зёрно-то, ак огнило сутный угол дак.

Сюды, нареч. *В эти места, сюда*. И топерь уж сколько годов-то сюды йиздит к Натольке!

Тамока, нареч. *В том месте, там*. Ведь много староверов забрали и убили тамока; Вот сейчас дом двояэтажной тамока жёлтой стоит; Пока жива, никуды я дому ведь не продам. У мя ведь эстоко тамока – три парня, гоорю.

Тепере, нареч. *В настоящее время, теперь*. Нет у нас староверов тепере, все примерли.

Топерь, нареч. *В настоящее время, теперь*. А топерь только одни эти ходят, эти соседи; Я вот топерь и сижу за книжками, цитаю всё, цитаю; И ту поставили. Они всё и стоят топерь; А топерь-то ведь краса! У мя топерь Нинка оботрёт маленько копоть-та, перейдёт – добро!

Топереча, нареч. *В настоящее время, теперь*. Дак всё ходила Зоя да ходил Всивоод. А топерь только одни эти ходят, эти соседи.

Туды, нареч. *В то место, туда*. Куды хотите, идите. Вон идите под ёжку туды; Помойка – у меня туды дорожка; На кладбишке было у нас избушка. Вот пойдут староверы туды молице.

Тута, нареч. *В этом месте, здесь*. В музее стоит трактор и машина. Машина школьная была. На серёдке ведь вроде тута, и автобусна недалёко от нёво.

Тутока, нареч. *В этом месте, здесь*. Помойка – у меня туды дорожка. Цвет посадила, цвет-от растёт тутока; У нас-то цясовня в Подкусте тутока – тожь молились, собирались.

Тятя, и, м. *Отец*. А у мамы ешшо осталась – тятя-то уехаў – Лидька-то в брюхе осталась.

Угол: *Сутный угол*. См. *сутный*.

Угор, а, м. *Возвышенность, холм*. А Мишина изба-то ведь на угоре-то стоит.

Угонить, ню, нят, сов., перех. *Насильно забрать, угнать*. Сенокосила всё, а война-то нацялась, ходили летом-то все, мужиков-то гонили – трактора-те стоят. На войну угонили мужиков-то, война нацялась. Вот девок забирают.

Ухрястать, аю, ают, сов., перех. *Лишить жизни, убить*. Ак умёр, незамог идти, так ёво два-ти милиционеры ухрястали да бросили тут в лесу да и оставили.

Цвет, а, м. *Цветок*. Помойка – у меня туды дорожка. Цвет посадила, цвет-от ростёт тутока.

Чисто, нареч. 1. *Совершенно, абсолютно*. Все изорвались, все чисто изорвались книги-те; У меня теперь нет никово, все умерли, чисто все умерли. 2. *Обстоятельно, внимательно*. Да в ту-ту можно сходить? – Поди, поди, и в ту посмотри чисто тоже.

Шоркать, аю, ают, несов., перех. *Тереть, натирать*. С дресвой-то лаптем шоркали. А потолок-от... Ой, я и помыла передов-то!; Дресвы-то насоплешь, эстолько, целую цяшку вымоешь дресвы-то. И шоркаешь, и шоркаешь.

Щепеть, и, ж. *Сложенные щепотью пальцы*. Штэпетью нельзя. Штэпетью нельзя. Надо крестнице правильно.

Эк, нареч. *Так*. Дак эк и у нас-то. Што прибили старовёров!

Экий, ая, ое. *Такой*. Тут у нас из школы машина легковая была с кузовом, эка прежня.

Эстолько, мест. *Такое количество, столько*. Дресвы-то насоплешь, эстолько, целую цяшку вымоешь дресвы-то; Пока жива, никуда я дому ведь не продам. У мяя ведь эстоко тамока – три парня, гоорю.

Этта, нареч. *В этом месте, здесь*. А они едут: надо этта жить – фотографировать всё да, художники да; Борис домовишше хоцет мне сделать этта, Боря-то. Управляюсь, говорит с домоом-то, так сделаю дак.

Литература

Вавилова М.А. Из истории Вологодского краеведения (М.Б. Едемский. 1870–1933) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 576–591.

Едемский М.Б. Говор жителей Кокшеньги Тотемского уезда Вологодской губернии // Живая старина, 1903. Вып. 1–2. – С. 97–101; Загадки в Кокшеньге // Живая старина, 1906; Прозвища в Кокшеньге // Живая старина, 1907; Свадьба в Кокшеньге // Живая старина, 1907; Семнадцать сказок Тотемского уезда // Живая старина, 1912; О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина, 1915.

Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Монография. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 216 с.

Зорина Л.Ю. Диалектологи приехали! // Кокшеньга. Тарногская районная газета. 12 сентября 2012 г. – Тарнога, 2012. – С. 6.

Зорина Л.Ю. Из наблюдений над средствами реализации категории вежливости в говорах Тарногского района Вологодской области // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. – Ч. 10 / отв. ред. Е.Н. Ильина, Г.В. Судаков. – Вологда: Легия, 2012. – С. 203–210.

Зорина Л.Ю. Материалы для наблюдений над реализацией коммуникативной категории вежливости в вологодской деревенской глубинке // Народная речь Вологодского

края: материалы по русской диалектологии / научн. ред. Е.Н. Ильина. – Вологда: Легия, 2012. – С. 34–69.

Ламов В.Ю. Говорок журавельной сторонки (рукопись). – Тарнога, 2010. – 48 с.

Ламов В.Ю. Родные слова, или побаяем по-нашему // Вологодский Лад. – 2008. – № 4. – С. 210–222.

ЛАРНГ – Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. – Ч. 1–2. / отв. ред. И.А. Попов. – СПб., 1994.

Никулина Е.С. Лексика со значением лица в говоре д. Озёрки Тарногского района Вологодской области. Выпускная квалификационная работа студентки филологического факультета ВГПУ. Научн. руководитель – Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2002 (хранится на кафедре русского языка ВГПУ).

Программа собирания сведений для составления Диалектологического атласа русского языка / отв. ред. Р.И. Аванесов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.

Угрюмов А.А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1992. – 175 с.

Использованные словари

СВГ – Словарь вологодских говоров / Вып. 1–6 / под ред. Т.Г. Паникаровской. Вып. 7–12 / под ред. Л.Ю. Зориной. – Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–24 / гл. ред. Ф.П. Филин / ред. Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.: Наука, 1965–1989. – Вып. 25–43 / гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб.: Наука, 1990–2010.